

Но разведка ДОЛОЖИЛА ТОЧНО...

Если в российской нефтяной промышленности не произойдет кардинальных изменений, то к 2030—2035 году страна не сможет обеспечить даже внутренние потребности в «черном золоте».

Разговоры об исчерпании мировых (и российских) нефтяных запасов чем-то напоминают рассуждения о конце света. Все знают, что рано или поздно конец будет, но он все никак не наступает. В кризисном 2009 году тогдашний министр энергетики Сергей Шматко предсказал, что к 2013-му добыча нефти в России упадет до 450 млн тонн... и ошибся почти на 70 млн тонн. Объемы добычи в 2012 году превысили 518 млн тонн! Значит, нефть не заканчивается? Но есть и другая цифра: прирост добычи в 2012 году составил всего 1,3%, то есть отрасль фактически топчется на месте. Значит, проблемы все-таки есть. О том, сколько в

России осталось нефти и что надо делать, чтобы запасов черного золота хватило и нам, и нашим потомкам, в интервью «Профилю» рассказывает руководитель дирекции по научной работе Института геологии и разработки горючих ископаемых (ИГиРГИ) **Евгений Грунис**.

ПРОФИЛЬ: Евгений Борисович, есть ли у вас прогноз относительно того, на сколько лет России хватит нефти?

Грунис: Наш президент сказал, что запасов хватит на 100 лет... По моим расчетам, активных запасов, то есть запасов, которые можно отбирать стандартным методом воздействия, хватит на 6—8 лет. Трудно-

извлекаемых, которые сегодня стоят на балансе и требуют применения капиталоемких технологий, хватит на 15—20 лет. Если так пойдет, то уже к 2030—2035 году Россия не сможет не только экспортировать нефть, но и обеспечивать свои внутренние потребности.

ПРОФИЛЬ: А как же шельф, о котором сейчас так много говорят?

Грунис: Ресурсы там огромные, но они недостаточно изучены.

ПРОФИЛЬ: То есть может оказаться, что их меньше, чем заявляется?

Грунис: Разумеется. Сейчас происходит следующее: Роснедра и Минприроды должны отчитаться перед правительством, что

СЕРГЕЙ АВДЕВСКИЙ

ДОСЬЕ

Евгений Борисович ГРУНИС родился в 1943 году в поселке Васильево Зеленодольского района Республики Татарстан. Служил в армии, в 1968 году окончил Казанский госуниверситет по специальности «Геологическая съемка и поиски месторождений полезных ископаемых», в 1974 году окончил Ивано-Франковский институт нефти и газа, получив специальность «Горный инженер-геофизик». Почти 20 лет работал в «Татнефтегеофизике», где дослужился до должности главного геолога. Затем в течение 5 лет возглавлял объединение «Коминетгеофизика». В 1993—1994 годах был главой Госкомитета по ТЭК Республики Коми. С 1994-го по 1999-й — министр промышленности, транспорта и связи Республики Коми. В 1999—2000-м — замглавы администрации Ненецкого автономного округа. После этого стал гендиректором Института геологии и разработки горючих ископаемых, сейчас руководитель дирекции ИГиРГИ. Доктор геолого-минералогических наук, профессор, действительный член РАЕН. Имеет более 20 государственных наград и званий.

они за год открыли столько-то месторождений и на столько-то прирастили запасы. Эти запасы ставят на баланс, выполняют задачу, а завтра списывают как неподтвержденные. Такой «рапортизм» остался с советских времен, но только сегодня это опаснее, чем тогда. В советские годы списание запасов было настоящей трагедией: летели головы, с работы снимали главного геолога. А сейчас нет — все нормально.

ПРОФИЛЬ: Значит, шельф — тоже не панацея?

Грунис: Нет, но он может стать серьезным подспорьем для увеличения запасов. Сегодня общемировая тенденция заключа-

ется в том, что новые месторождения намного скуднее тех, которые открывались 30—40 лет назад. За последние 40 лет средние запасы открываемых в России месторождений снизились в 30 раз — до 900 тыс. тонн. В мире переломить эту тенденцию помогло открытие нескольких уникальных месторождений на глубоководном шельфе Бразилии и Мексиканского залива. Такой же всплеск возможен и в России по мере изучения арктических морей. Там сосредоточено около 100 млрд тонн углеводородного сырья, из которых 20—25% приходится на нефть. Хорошие перспективы связаны и с Каспийским морем. Только за

счет освоения каспийских месторождений Филановского и Корчагина добыча нефти может вырасти на 12—15 млн тонн в год. Реализация проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2» позволит увеличить ее еще на 20 млн тонн. Наконец, освоение Приразломного в Печорском море принесет еще 6,5 млн тонн. Так что шельф, бесспорно, может серьезно поменять картину. В принципе, поменять ее могло бы и более пристальное изучение сухопутной части России, ведь она сегодня исследована менее чем наполовину. Однако для этого надо в корне менять ситуацию в геологоразведке. Иначе ничего не получится.

ПРОФИЛЬ: Вы считаете, что геологоразведке у нас уделяется недостаточно внимания?

Грунис: К сожалению, несмотря на кажущуюся стабильность, современное состояние ТЭКа России не позволяет с оптимизмом смотреть в будущее. Снижение темпов воспроизводства углеводородов налицо, и оно уже начало сказываться на динамике добычи и обеспечении показателей, заложенных в Энергетическую стратегию до 2030 года. За последние 15 лет дефицит прироста запасов нефти в России по отношению к добыче достиг 1,2 млрд тонн, а объем текущих извлекаемых запасов на одно месторождение сократился почти вдвое — с 10,8 млн тонн в 1992 году до 5,6 млн тонн в 2010-м. Так что задача по доведению годовой добычи до 525 млн тонн требует серьезного подкрепления реальными запасами.

ПРОФИЛЬ: Естественно, сразу напрашивается вопрос: «Кто виноват?»

Грунис: Основная доля вины, как я считаю, лежит на государстве, которое устранилось от участия в обеспечении рационального недропользования. На государственном уровне решаются лишь вопросы налоговой нагрузки на отрасль, а не создания нормальных условий для ее развития. Геологоразведка у нас выполняется за счет бюджета только на 5%, остальное — за счет недропользователей. В итоге начиная с 1990-х годов годовая добыча в России не компенсировалась приростом запасов, а средняя их восполняемость не превышала 85%. Объем разведочного бурения за эти годы сократился в шесть раз. Чтобы выйти на заявленный уровень добычи, требуется ежегодное хотя бы двукратное приращение запасов, основанной же для этого нет. Сегодня коэффициент прироста составляет всего 1,03, то есть является простым воспроизведением. Попытки увеличить этот коэффициент за счет переоценки запасов является лишь манипулированием цифрами, не имеющим ничего общего с их реальным приращением.

ПРОФИЛЬ: В чем конкретно недорабатывает государство?

Государство финансирует лишь 5% геологоразведочных работ, остальное является заботой недропользователей

Грунис: Начать с того, что у нас отсутствуют ряд основополагающих документов: правила разработки месторождений, госстандарты, требования к рациональной разработке и многие другие. Крайне низка достоверность запасов промышленных категорий. Ослаблена требовательность Государственной комиссии по запасам (ГКЗ). Вообще сама эта структура не отвечает задачам дня: комиссия по запасам должна быть независимой и не может входить в состав Минприроды. У нас же она подчиняется министерству, как и другая комиссия — по разработке. Раньше она называлась центральной, теперь преобразована в согласительную, что само по себе смешно. Этот орган рассматривает и принимает технологические схемы разработки месторождений, подвергает проекты экспертизе. При этом платит за экспертизу недропользователь. О какой объективности в таких обстоятельствах может идти речь? В результате экспертизы в итоге записывается то, что выгодно заказчику. А ему выгодно извлечь сиюминутную прибыль и уйти, не думая о состоянии, в котором остаются недра.

ПРОФИЛЬ: В каком же они остаются состоянии?

Грунис: Это еще одна проблема. Надо понимать, что недра принадлежат государству, но сегодня его контроль над рациональным их использованием практически сведен к нулю. На каждом месторождении устанавливается величина коэффициента извлечения нефти, КИН. Предположим, есть какие-то запасы, и их можно извлечь с КИН 0,4. Это значит, что 40% нефти мы можем забрать,

а 60% останется. И чтобы извлечь оставшееся, нужны новые капиталоемкие технологии. Работать в этом направлении компании не очень хотят, потому что это чревато дополнительными затратами. В итоге такая закономерность: в последние годы у нас резко падает коэффициент нефтеизвлечения. Мы пытаемся это объяснить усложнением горно-геологических условий. Но в США тоже усложняются горно-геологические условия, но там КИН растет, а в России падает. Почему? Потому что сегодня на вооружение взята хищническая разработка месторождений. При этом надо понимать, что выработанность месторождений, обеспечивающих нефтедобычу в стране, крайне высока. В европейской части России она достигает порядка 70%, похожая картина в Западной Сибири, где более 150 самых важных нефтяных месторождений находится в стадии падающей добычи. Среди них такие гиганты, как Самотлор, Мамонтовское, Федоровское и многие другие.

ПРОФИЛЬ: Правильно ли я понимаю, что в фонде нераспределенных крупных месторождений больше нет?

Грунис: Фактически это так. 93% текущих запасов нефти распределено. 7% представлено мелкими месторождениями, находящимися на грани рентабельности.

ПРОФИЛЬ: Можно ли, скажем, законодательно обязать недропользователей увеличивать КИН?

Грунис: Сейчас ГКЗ пишет, что КИН должен быть не менее 0,4. Но это ни на чем не базируется. В итоге все равно КИН, как правило, не превышает 0,3—0,34. Значит, 66% нефти остается, и чтобы ее извлечь,

необходимо применять новые методы и технологии повышения нефтеотдачи, а это деньги. Обоснование КИНа проходит в комиссии по разработке, но, как я уже сказал, она зависима от недропользователя. О каких-то результатах можно было бы говорить, если бы эксперты были государственными чиновниками, а не на хозяйском расчете. Так что в этом смысле дело у нас дошло до абсурда. То же можно сказать и о профильных ведомствах: Минэнерго и Минприроды. Там сегодня вообще нет нефтепромысловых геологов и специалистов по разработке месторождений, зато можно встретить в избытке юристов, финансистов и других специалистов различных отраслей.

ПРОФИЛЬ: В нашей стране объем запасов углеводородов является государственной тайной. Почему?

Грунис: Это очередной абсурд. У нас есть государственный баланс запасов. По сути дела, он открыт по всей России за исключением Западной Сибири, потому что там сосредоточены основные стратегические запасы. Но от кого мы это закрываем? Каждая уважающая себя нефтяная компания, претендующая на какое-то место в мире, проводит международный аудит запасов. Его, как известно, поручают иностранной фирме. В результате мы не публикуем свои данные по запасам, но иностранцы этими данными все равно располагают. К тому же в 1990-е годы за рубеж продавалось все, в том числе и эта информация. По долгу службы мне приходится часто встречаться с представителями зарубежных компаний. Так вот, Total, ExxonMobil и другие пре-

НА СКОЛЬКО ЛЕТ ХВАТИТ НЕФТИ

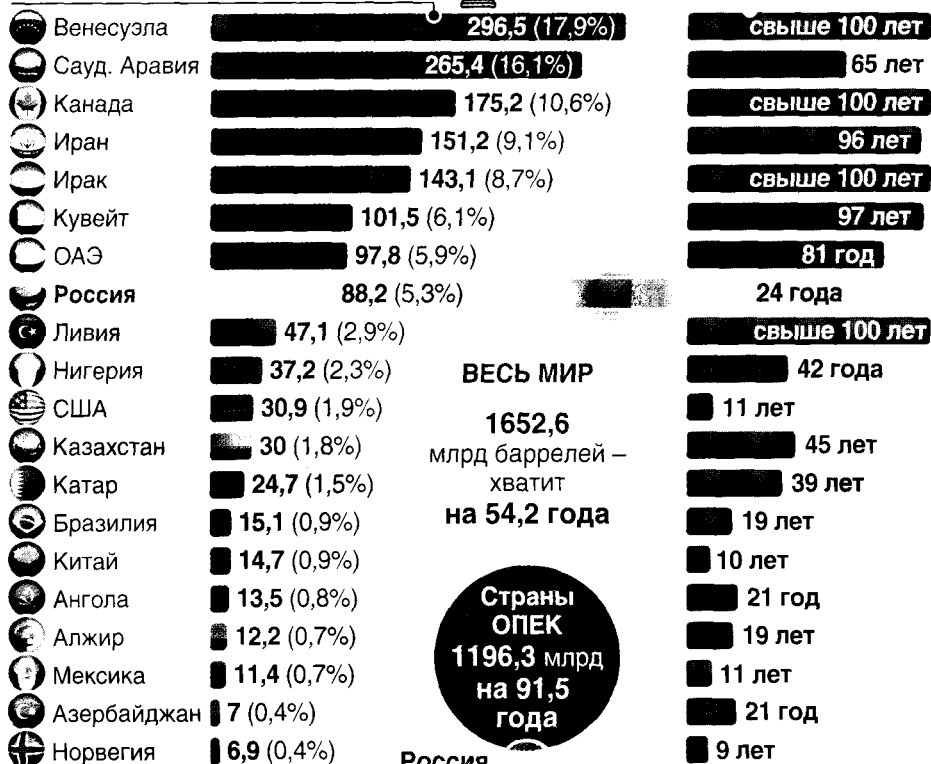
Специалисты энергетической компании BP подсчитали, что при мировых доказанных запасах нефти в 1652,6 млрд баррелей на конец 2011 г. нефти хватит на 54 года при существующем уровне добычи и потребления топлива.

НЕФТЬ: TOP-20 СТРАН ПО ДОКАЗАННЫМ ЗАПАСАМ

Запасы нефти в млрд баррелей на конец 2011 г. (% от мировых запасов нефти)

На сколько лет хватит нефти в стране при уровне добычи 2011 г.

ВСЬ МИР

1652,6
млрд баррелей –
хватит
на 54,2 года

Страны
ОПЕК
1196,3 млрд
на 91,5
года

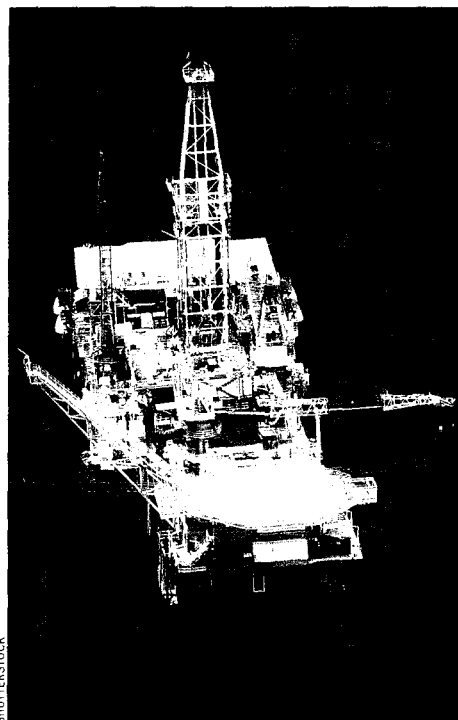
Россия

для сравнения

88,2 млрд на 23,5 года

ИТАР
ТАСС

Источник: BP Statistical Review of World Energy 2012 (bp.com)

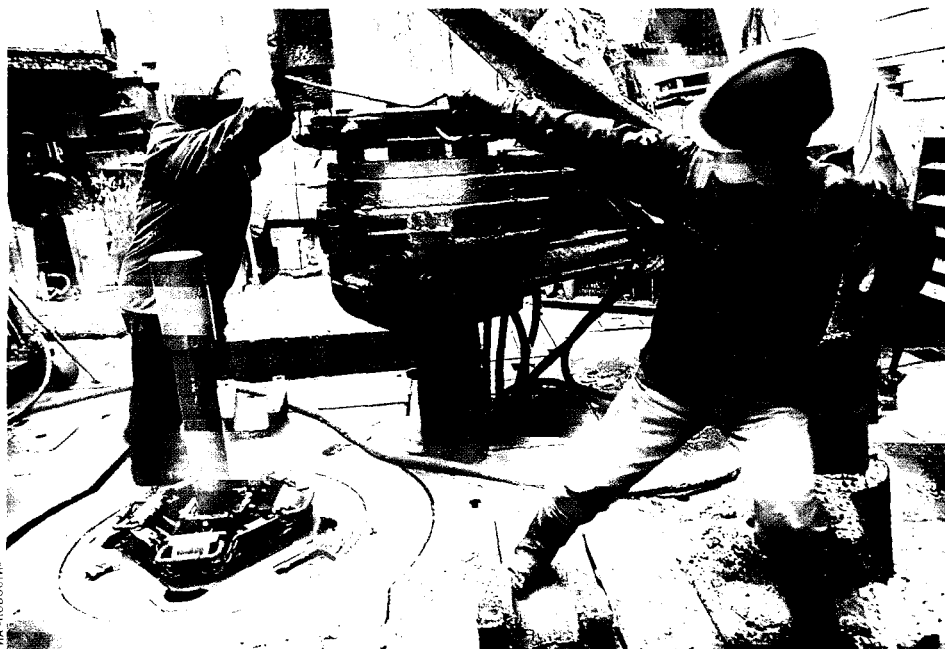
Шельф – главная надежда российских нефтяников, но оценить реальный потенциал морских месторождений пока сложно

красно осведомлены об особенностях нашего геологического строения и перспективах нефтеносности. Они владеют данными по запасам и ресурсам не хуже нас. А в ряде случаев имеют даже более свежую информацию, чем мы.

Профиль: Чем это грозит нам?

Грунис: Я считаю, что это ненормальное явление. Мы сегодня закрыли информацию от наших геологов, в итоге они лишены возможности делать какие-то крупные обобщения по России. Так родилась так называемая лоскутная геология. Есть недропользователь, ему дали лицензию, участок, он его изучает, и все, а дальше-то что? Ведь необходимо обобщать эти материалы по регионам, знать их особенности не только в рамках конкретного лицензионного участка. Эту ситуацию нужно исправлять. В последнее время практически не финансируются крупные научно-исследовательские работы по особенностям геологического строения и перспективам нефтегазоносности регионов. Компании это делают на своих площадях, они создали свою корпоративную науку: почти у каждой есть научный центр. Но это все ограничено их участками, в целом же по России объем научных исследований по нефтяной тематике резко сократился. Взять, к примеру, Восточную Сибирь. Мы говорим, что это очень перспективный район. Но похвастаться значимыми результатами, полученными там, мы не можем.

■ ЕВЛАЛИЯ САМЕДОВА

Сегодня российские нефтяники извлекают из недр всего около 40% запасов «черного золота»